Гость из сверхреальности

«Декодекс». Танцевальная труппа DCA под руководством Филиппа Декуфле. Росинтерфест и Французский культурный центр в Москве

Анна Гордеева

Этот спектакль притягивает к себе так, как может притягивать только будущее. Уже заметная дорога на новой земле, по которой пройдено лишь несколько шагов. Первые шаги были полны открытий. И открытия будут продолжаться.

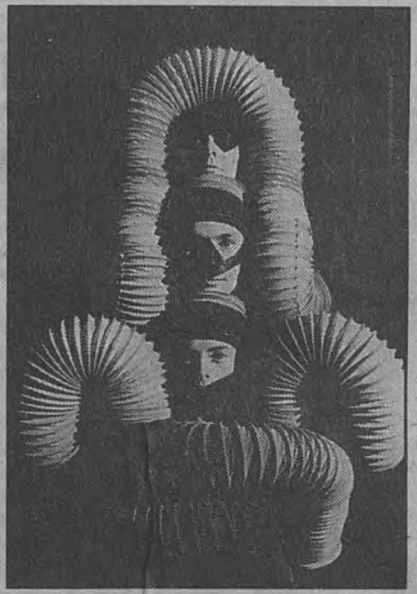
Недаром французские критики пишут о «детскости» Декуфле, недаром зрители ходят на его спектакли всей семьей. Да, здорово придумано, да, забавно, но главное — вот это ощущение будущей большой эпохи, наступающей уже сейчас. И обещание того, что вы сможете в эту эпоху вписаться. Не обещание даже, а отсутствие сомнений — так, как бывает только в детстве. Виртуальная реальность — вот название нового континента на многомерном глобусе времени. Были (и есть) танец-живопись, танец-драма, теперь появляется танец-сверхреальность — дитя этой новой земли. На сцене нет никаких компьютеров и экранов, нормальные живые люди — но вот мышление хореографа отчетливо принадлежит компьютерной эре.

Он не признает ограничений человеческого тела: его персонажи одеты в костюмы, меняющие очертания фигуры столь естественно, что превратившиеся в длинные щупальца руки кажутся единственно возможными в этом мире. Он не согласен с жесткими законами пространства — и лучшая сцена в спектакле та, где танцуют четверо: двое мужчин на земле и две женщины — в воздухе. Они, разумеется, прикреплены за пояс леерами к потолку, и веревки специально подсвечиваются, чтобы зрители не подумали, что хореограф что-то скрывает. Но это — как пустые руки фокусника — ничего не объясняет, потому что танцовщицы летают, а не показывают цирковой номер, и полет для них — не главное, главное — танец, и в танце можно свободно перейти с земли в воздух и обратно.

Нельзя сказать, что Декуфле сражается с законами природы — он их просто не признает. Человек, идущий по стене, в его спектакле не коронный трюк, а деталь ежедневной обстановки. Равно как и человек-лягушка. Человек-амеба.

Компьютерной реальности принадлежит и «принцип каталога», по которому сделан спектакль. На пресс-конференции перед началом гастролей постановщик вызвал безнадежные смешки в аудитории, пообещав, что в спектакле будет танец микробов, танец растений, танец животных — некоторая иллюстрация дарвиновской теории. Все сразу представили себе грядущее занудство — и ошиблись, потому что «каталог» стал не целью, а механическим подсобным средством. Спектакль должен иметь какую-то объяснимую структуру — почему бы не эту? Возможно, таков был взгляд Декуфле на мир в момент создания «Декодекса».

Последняя сцена спектакля — монолог самого хореографа. Наедине с публикой он «прописывает» жестами самого себя. Не духовный, так сказать, мир, а вполне физический. Очерчены сердце, легкие, органы пищеварения... Все это — с серьезным, напряженным взглядом из-под очков. Как будто человек создает свою виртуальную копию, тщательно воспроизводя все детали. Как будто хочет оставить это тело и переселиться в компьютерный мир. Хотя бы просто потому, что тот мир веселее и ярче обычного, а главное — в нем есть обещание неизвестности.



Сегодня. - 1996. - 24 сент. - с. 4.